

К.С. Жуков

ПЕТР ВЕЛИКИЙ — КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ ПЕТЕРБУРГА

Петербургский пантеон

Самосознание петербуржцев всегда в очень большой степени определялось многочисленными фантастическими представлениями об этом городе. Систему этих представлений культурологи называют петербургской мифологией. О некоторых ее элементах, объясняющих смысл, предназначение и судьбу Петербурга, шла речь в статье «О вреде и пользе мифологии» (ПЧП, № 21, 1999 г.).

Весьма существенной частью петербургской мифологии являются культы исторических личностей или неких безымянных персонажей, совокупность которых вполне может быть названа петербургским пантеоном.

Петербургский пантеон формировался в течение трех веков существования города и отразил в себе все перипетии его истории. Например, здесь до сих пор достаточно распространено почитание коммунистических вождей В.И. Ленина и особенно СМ. Кирова, и при этом приверженцами монархизма усердно и небезуспешно насаждается культ Николая II (один из центров поклонения последнему русскому царю — Федоровский собор в Царском Селе). В петербургском пантеоне представлены также различные пласты культуры и искусства: наряду с М.В. Ломоносовым или ДМ. Менделеевым в нем присутствуют, скажем, рок-кумиры В. Цой и М. Науменко. И даже легендарный вор-налетчик Ленька Пантелеев.

Жуков Константин Сергеевич (р. 1964) — член совета региональной политической партии «Свободный Петербург».

Адрес: 197022, С.-Петербург, Большой пр. П.С., д. 77, кв. 5.

Тел.: (812) 346-41-30.

E-mail: zhucha4@mail.ru

Существует также достаточно широкая область пересечения петербургского пантеона и сонма христианских святых. В первую очередь следует назвать апостолов Петра, Павла и Андрея. (Заметим, что тот из учеников Христа, чье имя носит город, не имеет в современном сознании петербуржцев статуса, соответствующего этому обстоятельству.) Причисленные к лику православных святых благоверный князь Александр Невский, юродивая Ксения Петербургская и праведник-чудотворец Иоанн Кронштадтский особо почитаются в Петербурге и не только в религиозной среде.

При всем этом петербургский пантеон не представляет собой нечто окончательно сформировавшееся и завершенное. Наоборот, процесс разрушения одних культов и установления других необычайно активизировался в последнее десятилетие. Это вызвано тем, что сегодняшний Петербург находится в состоянии напряженного поиска пути своего дальнейшего развития, и в этом поиске ему необходимы идеологические ориентиры. Маяковский себя под Лениным чистил, чтобы плыть в революцию дальше; Петербургу, чтобы плыть в нужном направлении, стоит задуматься, под кем себя чистить.

Культурный герой

В разветвленной и многоуровневой структуре петербургского пантеона есть безусловная доминанта — герой, чья роль в истории города не может быть переоценена. Речь идет, конечно, о Петре I.

В фольклористике существует термин «культурный герой». Так называется персонаж, который добывает или создает для людей огонь, орудия труда и средства мореплавания, культурные растения и другие предметы культуры, учит их охотничьим приемам, ремеслам, искусствам, вводит социальную организацию, брачные правила, магические предписания, ритуалы, праздники и т.д.

Все это может быть отнесено к реальной деятельности Петра I. Он научил русских строить корабли и управлять ими, ввел употребление картофеля, создал систему государственного управления и Табель о рангах, учредил новое летоисчисление и празднование Нового года в январе, начал издание газет и основал первые музеи, приказал носить одежду европейского фасона и разработал новый алфавит. Такие и подобные им задачи в древних верованиях исполнял культурный герой.

Сходство Петра с мифологическим культурным героем легко обнаруживается и во многих других деталях. Например, именно к царствованию Петра относится уникальный для российской истории случай, когда на троне одновременно находились два брата — сам Петр I и его сводный брат Иоан V. А как утверждают мифологи, культурными героями часто являются братья-близнецы — положительный и подражающий ему отрицательный. И даже после смерти Иоана образ двойника как бы продолжал сопутствовать Петру — народная молва долгие годы видела в нем ложного, подменного правителя, обманом занявшего место истинного царя и переименовывающего его замыслы.

Даже черты внешнего облика Петра, например, его высокий рост, трактовались нередко как сверхчеловеческий признак.

Отец-основатель

Отдельную категорию культурных героев составляют мифические основатели городов. И здесь мы тоже обнаружим обширнейшие совпадения с историческим обликом основателя Петербурга.

Подобно Риму, Кракову или Киеву Петербург носит имя своего основателя. Правда, мы привыкли считать, что крепость, а за ней и город были названы вовсе не в честь монарха, а в честь его небесного покровителя святого апостола Петра. Однако, отсутствие в слове «Санкт-Петербург» притяжательного суффикса «s» (ср. «Sankt-Petersburg») позволяет переводить это название не как «Город святого Петра», а как «Святой город Петра». Впрочем, в этом обстоятельстве можно видеть всего лишь недоразумение. Как бы то ни было, и в петровские времена, и сейчас (особенно сейчас), в названии города выделяли в первую очередь имя основателя. А уж условно-поэтические «Петроград», «Петрополь», «Град Петров» и пр. имели в виду исключительно российского самодержца.

Многие древние мифы, повествующие о закладке городов, делают основателя города еще и непосредственным его строителем. Так камни и бревна для строительства Таллина доставлял на собственных плечах богатырь Калев. Петр с его приверженностью к физическому труду и в этом отношении вполне укладывается в образ мифического отца-основателя.

Еще один мотив является существенным для фольклорного образа культурного героя: он часто выступает борцом со стихийными природными силами, которые пытаются смести установленный порядок — драконами, змеями или другими чудовищами, возмущенными духами воды, грозящими людям потопом, и т.п. Присутствовал этот мотив и в деятельности Петра в связи со строительством Петербурга, которое всегда воспринималось как насилие над природой, как укрощение ее. И хотя, помещая змею под ноги царскому коню, Фальконе, конечно, не желал изобразить Петра победителем хтонических чудовищ, тем не менее и такой смысл в знаменитом памятнике при желании можно отыскать, что и было сделано в некоторых народных преданиях.

Подводя итог всему сказанному, можно констатировать: реальный российский царь Петр Алексеевич многими чертами личности и своей исторической ролью оказался схож с мифологическим персонажем определенного типа — культурным героем. (Кстати, ситуация, когда историческое лицо выступает в роли культурного героя, вовсе не уникальна. Таковы, например, Чингисхан и Александр Македонский.)

Вполне возможно, что и сам Петр, будучи воспитан в атмосфере традиционной культуры, осознавал свою историческую миссию, как миссию культурного героя, и вольно или невольно подстраивал свое поведение под мифологические образцы.

Благодаря всем этим обстоятельствам исторический Петр с необыкновенной легкостью шагнул из истории в миф. Любая идеологическая система, появлявшаяся впоследствии в России, неизбежно рано или поздно обращалась к образу великого реформатора и создавала свой вариант мифа о Петре I. Каждый из них основывался на гипертрофировании

одной или нескольких черт его личности и деятельности, прочие же черты отодвигая в тень.

Первые два варианта мифа о Петре возникли еще при жизни императора.

Царь-антихрист

В сущности оба мифа явились реакцией на осуществлявшиеся Петром преобразования. Петр воспринимался как некая сила, полностью разрушившая прежнее мироустройство и создавшая новое. В первом варианте мифа делался упор на разрушение, идеализировалось старое и не принималось новое. И, стало быть, в Петре воплощалось злое, сатанинское начало.

Представление о том, что царский трон занимает не отпрыск «тишайшего» царя Алексея Михайловича, а сам Антихрист, явившийся в мир «смущать» человеческие души перед наступлением судного дня, было в правление Петра почти всеобщим. Разумеется, ни в каком дозволенном виде оно не проявлялось ни тогда, ни в последующие несколько царствований. Более ста лет миф о Петре-Антихристе бытовал исключительно в устной форме и в потаенных раскольничьих писаниях. За это время его влияние на умы сильно убавилось: жизнь брала свое, к нововведениям люди привыкали, а страшные пророчества не сбывались. Однако подспудное существование этого мифа продолжалось. Возможно, впервые в русском подцензурном тексте он проявился в первой редакции гоголевского «Портрета». Страшному ростовщику, земному воплощению сатаны, Гоголь дал фамилию Петромихали, зашифровав в ней известный псевдоним царя — Петр Михайлов.

В середине XIX в. усилиями наиболее радикальных писателей-славянофилов миф о царь-антихристе получает новые импульсы к существованию (см., например, стихотворения К. Аксакова «Петру» и М. Дмитриева «Подводный город»), однако их оказывается недостаточно для его реанимации. В дальнейшем этот миф продолжает свое маргинальное существование в русской культуре, оказываясь востребованным в моменты самых острых идеологических кризисов. Так в предреволюционные годы он явился одной из составных частей образа Петра в романе Д. Мережковского «Антихрист». В ранний советский период, примерно до конца 20-х гг., когда Петр I, лишенный титула «Великий», рассматривался исключительно как один из череды царей-кровопийц, паразитировавших на страданиях народа, миф об антихристе на троне вновь дал о себе знать (см.: Б. Пильняк «Петербургская повесть или Святой камень»).

Некоторые рецидивы этого мифа можно порой обнаружить даже в современной публицистике.

Царь-демиург

Второй вариант мифа, в сущности, базировался на тех же посылках, что и первый, однако давал им прямо противоположную оценку, и, соответственно, обожествлял самого Петра, как воплощение благодатной созидательной силы.

Конечно, следует иметь в виду, что для средневекового сознания, некоторые черты которого продолжали существовать вплоть до XX в., было свойственно обожествление личности монарха, однако в случае с Петром это обожествление носило совершенно особый характер. Петр в глазах ревнителей церковного благочестия совершенно дискредитировал себя гонениями на духовенство и монашество, упразднением патриаршества, неуважением к православному обряду, обычаям и святыням и пр. Поэтому почитание Петра его современниками происходило не в русле православной церковной традиции, как это было с его предшественниками на российском престоле. Петр выступал в глазах его приверженцев не еще одним святым праведником, утверждающим незыблемость древней веры, а основателем новой веры, новым пророком, новым земным воплощением божества. При этом все предшествующее его деятельности «объявлялось как бы несуществующим или по крайней мере не имеющим исторического бытия, временем невежества и хаоса» (Е.В. Анисимов).

Один из типичных примеров такой интерпретации личности царя и его деятельности — «Слово на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича, в котором он уподобляет своего усопшего покровителя библейским титанам Самсону, Иафету, Моисею, Соломону и Давиду, а также основателю православия Константину Великому.

Открытие 7 августа 1782 г. знаменитого фальконетовского монумента явилось важнейшим пунктом в развитии культа царя-демиурга. Памятник материализовал тот образ богоподобного героя, который уже сложился в народном сознании. Сенатская площадь стала главным местом мистического общения с духом великого императора, потеснив в этом отношении и деревянный домик на Петербургской стороне, и Летний сад с дворцом, и гробницу в Петропавловском соборе. О встречах на Сенатской площади с призраком Петра или с ожившим памятником рассказывают многочисленные предания. Посредством обращения к статуе высказывают свои «претензии» императору герои петербургской литературы от пушкинского Евгения до ремизовского Маракулина и террориста Дудкина из романа А. Белого «Петербург».

В литературе XVIII и начала XIX в. практически любое упоминание о Петре заключает в себе прямое или косвенное отождествление его с божеством. Таким образом, Пушкин, изображая во вступлении к «Медному всаднику» Петра в облике бога-творца, следовал весьма развитой традиции. Впрочем, обретя у Пушкина свое пиковое воплощение, эта традиция затем несколько стусевывается. На протяжении второй половины XIX в. она лишь изредка напоминает о себе, например, у К. Случевского:

И поставлен Петр Великий
Над другими исполином!
Как его, гиганта, мерить
Нашим маленьким аршином?
Где судить траве о тыне,
Разрастаясь по-над тыном?

Серебряный век русской литературы вновь воскресил титаноподобный образ Петра I. Для Д. Мережковского, А. Белого, А. Блока Петр являлся фигурой исполинского масштаба, находящейся, подобно ницшев-

скому Заратустре, «по ту сторону добра и зла». Такое восприятие как бы объединяло два мифа, точнее, делало несущественным их различие. Правда, И. Анненский, в целом разделяя такой взгляд на царя-«чародея», пророчески предсказывал скорое крушение его культа: «В темных лаврах гигант на скале, — Завтра станет ребячьей забавой». Впрочем, как мы увидим далее, он оказался прав лишь отчасти.

«Государственный» миф о Петре

После декабрьского восстания 1825 г. начинается переосмысление властью многих постулатов, происходит поиск новых идеологических формул, самой успешной из которых стала уваровская: «Православие, Самодержавие, Народность». В духе этой формулы разрабатывается и получает официальное одобрение новый вариант мифа о Петре Великом. Западничество Петра, бывшее основой и предыдущих вариантов мифа, теперь интерпретируется как потребность в некоторых заимствованиях из области государственного и военного устройства, сделанных для того лишь, чтобы победить Европу в лице Швеции и заставить другие страны считаться с могуществом великой российской державы.

В характере Петра обнаруживаются прежде особенно не замечавшиеся милосердие и религиозность. Постоянным мотивом многочисленных исторических романов, повестей, драм николаевского времени является прощение Петром его раскаявшихся противников, например, участников стрелецких бунтов. Прощение это всегда происходит непросто: ему предшествуют ссылки на закон, перед которым все равны, однако, в конце концов, царское великодушие оказывается выше бездушного закона, и царь, «виноватому вину отпуская, веселится, чашу пенит с ним одну». Характерен сюжет новеллы «Авдотья Петровна Лихончиха» одного из популярнейших литераторов середины XIX в. Н. Кукольника: прощенный Петром, но не раскаявшийся «буйный стрелец», выходя за ворота своей темницы, бросается в ярости на верного царского слугу, но падает и разбивается насмерть. Божеский суд, охраняющий безопасность российской державы, оказывается строже, чем суд царский.

Отношение Петра к православной церкви тоже подвергается резкому переосмыслению; теперь в яростном гонителе церковного благочестия видится истинно православный государь. Вот, например, разговор уличных зевак по поводу петровского Всешутейшего Собора из повести А. Башуцкого «Петербургский день в 1723 году».

«— Что тут церковь православную путать? Сказывают-те, голова, немецких попов осмеивают: где ж тут божественное?»

— Вестимо немецких, — сказал другой. — Нет, брат, знаем мы, государь над православной церковью не шутит, да и шутить не позволит. Всякий праздник батюшка в церкви, а бывало у Троицы сам читает Апостол и поет на крылосе всю обедню».

Еще одним новым акцентом в мифологическом образе Петра, созданном в николаевскую пору, явилось подчеркивание простоты царя-реформатора, его любви к ремеслу, народной еде, народному юмору. Классический пример стихотворение А. Майкова «Кто он?», бывшее в XIX в. примерно тем же, чем «Ленин и печник» в XX. Да и сюжеты сходны: предубежденность простолюдина по отношению к властителю сменяется после знакомства восторженной любовью.

Мифу о «православном, самодержавном, народном» царе была суж-

дена долгая жизнь. Причина этого заключается в том, что этот миф явился одним из столпов, поддерживающих здание имперской идеологии. А.Л.Осват и А. Б. Рогинский назвали его «государственным мифом».

Государственный миф о Петре Великом доминировал в массовом сознании россиян вплоть до 1917 г. Особенно характерными были его проявления во время праздничных мероприятий, посвященных 200-летию основания Петербурга. В те юбилейные дни в Петербурге были устроены многочисленные выставки, воздвигнуты временные скульптуры, декорации и диорамы, разыгрывались уличные спектакли и «живые картины». Разумеется, главным героем всех этих произведений «массовой культуры» был державный основатель города. Однако, как показала исследовательница О. Лихачева, его образ претерпел в них едва заметную, но очень важную трансформацию: из черт, составлявших облик императора в соответствии с государственным мифом, преобладающей явно становится народность. Петр представляется прежде всего царем-тружеником, царем-ремесленником, любящим свой народ, знающим его нужды и заботящимся о нем. Это был своеобразный «демократический», или точнее буржуазный образ отца-основателя, немного сходный с теми, что имеются у многих старых европейских городов: простой подмастерье достигает высот в ремесле, становится мастером, главой цеха, наконец, бургомистром и закладывает основы благосостояния города. Эта едва намечившаяся тенденция в восприятии великого государя была признаком начавшегося накануне революции становления буржуазной культуры в России и главным образом в Петербурге. События октября 1917 г. остановили этот процесс.

В годы утверждения советской «неоимперской» идеологии «государственный» миф о Петре, конечно без оттенка буржуазности, вновь пришелся ко двору. Теперь, разумеется, Петр являлся не центральным персонажем пантеона, а выполнял функцию предтечи. Тиражировалось высказывание Сталина: «Петр это капля в море, а Ленин — целый океан».

В полном соответствии с этим основанный Петром город получил новое имя и нового культурного героя. При всей неорганичности этого персонажа петербургскому пантеону, следует признать, что он прижился, и последующие несколько поколений ленинградцев искренне считали себя детьми «Города Великого Ленина». Петр при этом не был сброшен с пьедестала, просто отодвинут на задний план, где и просуществовал под сурдинку весь советский период.

А ныне?

Перестройка разрушила уже изрядно шатавшийся культ большевистского вождя. Но свято место пусто не бывает, город оказался перед необходимостью нового обретения культурного героя.

В июне 1991 г. состоялось событие, которое тогда многими расценивалось как сопоставимое по значению с открытием фальконетовского монумента: в самом центре Петропавловской крепости была установлена статуя Петра I работы М. Шемякина. Это произведение явилось отчетливой попыткой демифологизации образа «создателя города Санкт-Петербурга». Представленный художником образ далек от мифологической идеализации: он весь составлен из противоречий. Шемякинский Петр снят с пьедестала в прямом и в переносном смысле; его масштаб вполне

человеческий.

Стремление к демифологизации образа Петра было выражено и в некоторых печатных публикациях. Одновременно с этим появилась тенденция к созданию или возрождению культов, более отвечающих духу времени, чем культ Петра. В этом отношении характерно желание мэра города А. Собчака установить в Петербурге памятник Александру II работы М. Антокольского, хранящийся в запасниках одного из музеев Китева.

Однако развиваться этим тенденциям было не суждено. Они оказались несопоставимо слабыми по сравнению с процессом возрождения культа Петра Великого.

В связи с этим весьма уместным представляется вспомнить мнение писателя М. Кураева, высказанное им в книге «Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург»: «Мифологизация истории, исторических биографий нам отлично знакома, мы выросли в пору расцвета исторической мифологии и знаем ее последствия, а потому едва ли можем сегодня относиться с доверчивой снисходительностью к мифу о Петре Великом, поскольку последствия его культа, увы, сказываются и в современной политике, и в современной идеологии, в конечном счете, в оправдании насилия и достижения цели «любой ценой» едва ли не больше, чем культ, не до конца и не очень искренне осужденный XX и XXII съездами партии».

В рейтинге популярности исторических деятелей Петр в Петербурге сейчас, безусловно, занял бы первое место. Его имя широко используется в названиях различных организаций, мероприятий, товаров — от банка и инвестиционного фонда до спортивного кубка и сигарет. Его изображения тиражируются на рекламных щитах, обложках журналов и шоколадных обертках. Редкое массовое мероприятие в городе происходит без участия усатого молодца, наряженного в камзол и треуголку и провозглашающего какое-нибудь «Да будет..!». Во всех этих случаях имя и образ Петра Великого используется как символ могущества и силы государства. Это позволяет сказать, что мы имеем дело с воскрешением мифа о Петре в его «государственном» варианте. Не случайными в этом отношении выглядят и установка по инициативе «государственника» Ю. Лужкова гигантского памятника Петру в Москве, и его портрет (Петра, разумеется, а не Лужкова) в кабинете Президента В. Путина.

Будущий миф о Петере — культурном герое Петербурга

Итак, все триста лет, что существует Петербург, Петр Великий был его культурным героем и, видимо, будет им и впредь. Сколько бы историки, культурологи и публицисты ни обнаруживали у Петра личных пороков и исторических просчетов, он всегда будет восприниматься петербуржцами прежде всего как создатель и благодетель города. И в этом отношении культ Петра непоколебим. Но при этом, как мы видели, в разные исторические периоды его образ поворачивался разными сторонами, в нем каждый раз выделялись черты, составлявшие идеологические ориентиры эпохи.

Происходящая сейчас реставрация государственного мифа о Петре I в его наиболее имперской, великодержавной версии явно не соответ-

ствует либеральным пристрастиям, демонстрируемым петербуржцами на всех выборах последних лет. Таким образом, вопрос об облике культурного героя современного Петербурга может и должен быть подвергнут глубокому переосмыслению.

Уместно с этой целью вспомнить о зарождавшемся в начале XX в. «буржуазном» варианте мифа о Петре. Есть основания полагать, что этот вариант в большей степени отвечает современным потребностям города, чем «имперский».

Будущий миф о Петре I — культурном герое демократического Петербурга должен, как представляется, сосредоточивать внимание на таких свойствах личности царя, как практицизм и рационализм, религиозная и национальная терпимость, неиссякаемое стремление к самоусовершенствованию, простота бытового поведения и общения. И главное — уважительное отношение к интеллектуальным ценностям Запада, стремление подражать ему.

Сам Петр и фигуры из его ближайшего окружения — А. Меншиков, П. Шафиров, императрица Екатерина — могут быть представлены как классические для западной культуры персонажи — «selfmade men». Деятельность Петра по организации государственного аппарата и созданию передовой по тем временам промышленности — что это, как не пример сверхэффективного менеджмента?! (Напомню, что многие государственные институты, введенные Петром, просуществовали сто, а то и двести лет!)

То, что такой поворот в восприятии культурного героя Петербурга возможен и органичен, имеет свои подтверждения. Три года назад в связи с трехсотлетием Великого посольства Голландия подарила Санкт-Петербургу копию с уничтоженной в советское время скульптуры Леопольда Бернштама «Петр I обучается в городе Саардаме в Голландии корабельному делу в 1697 г.». Она была установлена на прежнем месте, у восточного крыла Адмиралтейства. Оставив в стороне вопрос о художественных достоинствах этого памятника, отметим, что по сути он является воплощением только что рассмотренного нами варианта мифа о Петре. Кстати, Бернштамом была выполнена еще одна скульптурная группа, изображавшая откровенно мифологический сюжет, «Петр I спасает погибающих близ деревни Лахта в ноябре 1724 г.». Этот монумент, ныне, по-видимому, безвозвратно утраченный, стоял у другого крыла Адмиралтейства, не более чем в ста — ста пятидесяти метрах от Медного всадника. Соседство многозначительное: у подножия «кумира на бронзовом коне» как бы незримо присутствует тень «бедного Евгения», превращая фальконетовский памятник в символ государства, безжалостного к судьбе «маленького человека». Произведение же Бернштама несло бы прямо противоположную идею: оно изображало властелина, не щадящего себя ради блага этих «маленьких людей».

Конечно, утверждение в Петербурге того или иного культа в том или ином варианте не зависит от желания одного человека. Однако, на мой взгляд, петербуржцам все же стоит задуматься о том, кому и в связи с чем они поклоняются.